

Память и поныне слышит тяжелый топот фермерских сапог — у дома с мрачно и навечно зашторенными окнами, под сенью двух раскидистых вязов, простиравших над домом свои ветви, как говорится в авторской ремарке, «как бы защищая его и подавляя одновременно», — молча, зловеще и страшно пляшут гости, плещет, сотрясая землю, повода могучими плечами, полный мужской силы хозяин фермы Эфраим Кэбот. Ему семьдесят шесть, он взял в жены Абби, молодую, столь же красивую, сколь и циничную женщину, не ожидавшую никак, что именно к ней придет, навалится на нее порушившая все ее житейские расчеты, всепожирающая страсть к сыну Кэбота, двадцатипятилетнему парню. И — толкнет на жуткое преступление, и она, ведомая страстью, встретит расплату с высоко поднятой головой...

ДРАМА, случившаяся в маленьком, глухом американском городке в Новой Англии в 1850 году, под пером великого Юджина О'Нила (у нас, в русской транскрипции, имя его раньше писалось иначе — О'Нейл) стала крупным литературным и театральным событием. «Любовь под вязами», написанная в 1925 году, обошла сцены мира, ее сравнивали с античными трагедиями и по мощи образов, и по накалу страстей, и Алису Коонен, игравшую в Москве, в Камерном театре на Тверском бульваре роль Абби, критика называла новой Федрой. О спектакле, поставленном Александром Таировым и виденном мною в далекой молодости, писали много и у нас, и на Западе — когда театр выезжал на гастроли.

Камерный театр поставил еще две пьесы О'Нила — «Косматую обезьяну» и «Негра». Было это в двадцатых годах, с той поры имя великого драматурга не сходило с советской театральной афиши, жизнь его пьес оказалась долговечной, по сей день на столичной сцене вы увидите и его «Душу поэта», и его «Луну для пасынков судьбы»...

О'Нила любит наш театр, наш зритель и — наш читатель. Это естественно, и я согласен с профессором Александром Аникстом, который в своем предисловии к строго и изящно изданному «Искусством» двухтомному собранию драматических сочинений О'Нила утверждает, что до него ни в восемнадцатом, ни в девятнадцатом столетии американская литература, давшая прозу Фенимора Купера, Эдгара По, Бичера-Стоу и Марка Твена, в драме «имела только местное, не побоимся сказать, узкопровинциальное значение» и как явления самобытного возникла лишь в двадцатом веке, ее зачинателем, основоположником и первым классиком стал Юджин О'Нил.

...Отец О'Нила, выходец из Ирландии, популярный в свое время драматический артист, играл в инсценировке романа Александра Дюма графа Монте-Кристо и даже назвал коттедж, который он построил в Новой Англии, в штате Коннектикут, близ океана, именем героя романа. Здесь, в этом отцовском коттедже, провел детство и писал свои драмы Юджин О'Нил.

Сюда, в штат Коннектикут, на национальную американскую конференцию драматургов, приехала делегация ВЛАП — Михаил Рошин, Валерий Иванов и автор этих строк.

Из ключущего, ревущего, бурлящего Нью-Йорка мы приехали в тишайший, утопающий в пышной зелени провинциальный городок Уотерфорд, где уже не впервые ежегодно собирается конференция, возглавляемая президентом Центра Юджина О'Нила Дж. Уайтом и художественным руководителем Ллойдом Ричардом.

В чем необычность этой конференции? Ее задачи и практика скорей напоминают наши всеозоные семинары драматургов в Дубултах или в Ялте — Центр О'Нила отбирает наиболее примечательные пьесы американских авторов, ищет новые имена. После отбора авторы приглашаются на обсуждение, в котором участвуют драматурги, критики, режиссеры, журналисты. Профессиональные актеры и режиссеры разыгрывают отобранные пьесы, актеры — часто с ролями в руках, поскольку не успели выучить весь текст. Зал примерно на двести мест, переоборудованный из бывшего коровника. Спектакли платные, их смотрят

молодые и старые театральные деятели из разных штатов, приезжают окрестные жители. На другое утро каждый спектакль внимательно разбирается, иногда играется вновь, уже с поправками, потом эти пьесы увидят свет рампы: одни — в университетских театрах, другие — в театрах штатов, иные пробьются на Бродвей, войдут прочно в репертуар, будут напечатаны в сборниках драматургии. Среди авторов есть совсем юные, есть и немолодые: решает не возраст — сама пьеса. Отбор, повторяю, жесткий: из пятисот—шестисот пьес, прочитанных и отрецензированных в течение года, — шестнадцать. Лица авторов на обложке журнала «Плейбилл», издающегося национальной конференцией. Здесь же в собственной маленькой телестудии во время конференции снимаются пьесы, отобранные для телевидения.

Нашу делегацию встретили

Александр ШТЕЙН

НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ

приветливо, злые ветры «холодной войны» здесь не дули. Разговор был серьезный, конкретный. Рассказ наш о нынешней жизни нашей драматургии, о новинках столичного сезона, о зрительском интересе слушался с живым любопытством, сопровождался вопросами, в числе которых был, между прочим, и такой: «Ходят ли зрители Москвы на серьезные пьесы и на неразвлекательные спектакли?» Подтекст этого вопроса, заданного с некоторой грустью молодой писательницей-негритянкой, был в том, что продюсеров, покупающих пьесы, не шибко занимает глубина драматургии, ее проблемность. Касса, и прежде всего касса. К слову сказать, дороговизна театральных билетов нас поразила; забегая вперед, скажу, что на Бродвее стоимость одного билета — тридцать пять, а то и все сорок долларов, впрочем, были билеты и подешевле, и поуже...

Михаила Рошина спрашивали о его авторских впечатлениях от спектаклей, поставленных по его пьесам в США — нашли слушатели, видели и его «Валентина и Валентину» в Сан-Франциско и его «Эшелон» в Хьюстоне. Спрашивали меня, какая из моих пьес особенно мне дорога, и когда я назвал «Гостиницу «Астория» и сказал немного о ленинградской блокаде, разговор, естественно, перешел на темы войны и мира. И у меня отнюдь не создалось ощущения, что люди, внимательно слушавшие нас, хоть сколько-нибудь заинтересованы в шаловливо-кровавых ядерных играх, вокруг которых шумит большая американская пресса. Наоборот, своим подчеркнуто любознательным отношением, проявившимся во время встречи и особенно после нее, участники конференции как бы отделили себя от атомной истерии.

Мы смотрели здесь несколько пьес, участвовали в их обсуждении. Даже в талантливых драмах, лишенных стремления «завоевать Бродвей» напором секса и нагромождением убийств, даже в этих драмах

с их нарочито медлительным ритмом, оставляющим зрителю время на раздумье, был, как правило, доминирующим мотив человеческой отчужденности, был печален взгляд на наш неустроенный мир и были неумолимо желчны действующие, а больше — бездействующие персонажи...

Потом, в Нью-Йорке, это ощущение отчасти сгладилось, когда мы посмотрели несколько спектаклей, знаменовавших тягу сегодняшнего американского зрителя к спектаклю серьезному. Зритель, уставший от сенсационных киношлягеров вроде летающего Супермена (в кино уже идет «Супермен-II» — успех тут тотчас же рождает дубль), тянется к такому профессионально отлично сделанному и отлично сыгранному спектаклю, как «Амадеус» П. Шафера — еще одной версии темы моцартианства и сальеризма. Зал был, несмотря на дороговизну билетов, полон, спектакль вызвал живые реакции и завершился бурной овацией зала. Пьеса только что переведена на русский язык, и, как мне известно, ею заинтересовался МХАТ. Другой спектакль, нам понравившийся, — мюзикл «Корас Лайн» («Кордебалет»), талантливо поставленный режиссером Беннетом, — рассказанная словом, пением и пластикой, полная юмора и смеха сквозь слезы история по-

встрече с Мартой Кони, директором Американского центра Международного института театра, и с руководством национальной конференции драматургов — была, выражаясь официальным языком, достигнута договоренность о том, чтобы уже в конце этого года были бы направлены за океан подробные аннотации на ряд наших пьес, в том числе и для телевидения. Одна из присланных пьес, возможно, будет поставлена в дни следующей конференции — в 1982 году.

Мне представляется — все эти контакты были полезными и нужными именно сейчас.

В канун отъезда с конференции мы побывали в Нью-Лондоне, в коттедже Монте-Кристо. Благородными усилиями и энтузиазмом руководителей Центра О'Нила здесь сейчас создается музей. Грохочет трактор, взрывающий землю перед домиком, где будет раскинут цветник, идет капитальный ремонт коттеджа, реставрируется мебель, приходят первые поступления для будущей большой театральной библиотеки. Рассматриваем старые театральные афиши, в том числе и спектакля «Граф Монте-Кристо», фотографии двадцатых годов, дипломы Нобелевской премии 1936 года, приужденной драматургу, членах премий Пулитцера, два тома — объемистые монографии об О'Ниле; листаем брошюры,

путеводитель по коттеджу, читаем в нем о том, что О'Нил был первым американским драматургом, получившим международную славу, и стоит он «рядом с Чеховым, Ибсеном, Шоу».

И вновь думается о незримой нити, протянутой драматургией О'Нила через океан в нашу страну еще в далекие молодые годы нашего государства. Злая и властная рука не в силах и сегодня оборвать эти нити...

Чехов говорил — если ружье висит на стене в первом акте, в последнем оно должно выстрелить. На американской большой политической сцене, к сожалению, висит сейчас много ружей, которые могут выстрелить. Могут, но не должны.

Была знаменитой в шестидесятых годах песня на слова Е. Евтушенко «Хотят ли русские войны?». Нет. Не хотят. Об этом была песня.

И сейчас — песня об этом. Хотят ли американцы войны?

Нет, встреченное нами искреннее, неподдельное американское дружелюбие врывалось в военную какофонию сенсационных заголовков обнадеживающим диссонансом.

Ружью не место на большой американской сцене!

Тем более что многое непредсказуемо в этой богатейшей и наиболее мощной державе капиталистического мира. Непредсказуемо было убийство популярнейшего президента Джона Кеннеди. Непредсказуемо убийство его брата, кандидата в президенты. Непредсказуемо недавнее покушение на президента Рейгана.

Все непредсказуемо в этом призрачном сегодняшнем мире, мире невиданных размахов, невиданных масштабов и невиданного нейтрального безумия...

Предсказуемо одно — лучше дружить, нежели ссориться. Об этом думали мы, возвращаясь домой из Штатов.

ВАШИНГТОН —
УОТЕРФОРД —
НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

Об этом мы говорили и на